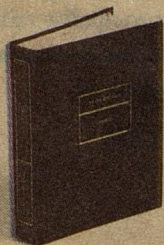

Лирический герой подводит итоги

Известия - 2005 - 6 апр. - с. 14

Николай Александров

Черный том в твердом переплете со строгим и скромным названием «Стихи» на обложке, с внушительным предисловием Андрея Немзера. По существу «Собрание сочинений», «Весь Кирилов», по существу. Если не итог, то по крайней мере промежуточный финиш.

Кирилов, кажется, отнюдь не случайно ведет, по его собственному признанию, свою поэтическую родословную (или свой поэтический генезис) от Александра Блока.

Его том стихов также следует воспринимать, подобно блоковскому собранию стихотворений, как роман, как единое повествование о лирическом герое (термин, кстати сказать, впервые употребленный Тыняновым применительно к блоковской лирике). Можно было бы в данном случае употребить и более модное слово — «проект». «Лирический проект» Кирилова. Мешает разве что временная протяженность проекта и недостаточная (не явная) отстраненность автора от лирического героя. Как тут понять, где проект, а где жизнь, которая с поэзией одно? Трудно понять.

Но вот что любопытно. По видимости легкий, «благозвучно струящийся» Кирилов сегодня в этом полном виде, в этом романном собрании своих стихотворных сборников читается отнюдь не легко. Почти, прошу прощения за кощунство, как Державин и Батюшков вкупе с князем Шаликовым, как Баратынский с Языковым, как все тот же Блок. Может быть, потому, что сама лирическая напевность, сама балладно-романсная, элегически-идиллическая просодия русской классической поэтической школы требует усилия. Кирилов и пытался весь строй лирического девятнадцатого столетия

приспособить к повседневности, языком золотого (и серебряного) века говорить о собственном опыте. Его откровенная цитатность, его самоирония, его любовно-ласковое обращение с самим собой, его демонстративная трогательность, его шутовское самоуничтожение — лишь способ, лишь средство защитить стихи «на старый лад», преодолеть тоскливое безвременье, освятить собственный быт символами и знаками иного бытия, давно ушедшей классической эпохи. Поэтому он тешит себя усадебной иллюзией («Усадьба»), рядит в романтические герои советского дембеля («Баллада о деде Белого Пlesa»), обращается в стихотворных посланиях к друзьям-поэтам (Гандлевскому, Айзенбергу, Рубинштейну), как будто возрождая пушкинское поэтическое братство. И кириловская «современность», отзывчивость на каждое модное, на каждое актуальное явление, все того же, пушкинского порядка.

Так было до определенного момента. Так проходили восьмидесятые и начало девяностых. А потом: «В общем, жили мы неплохо, но закончилась эпоха, начался другой эон...». Апокалипсиса не произошло. А вот лирический герой изменился. Лирическая стройность распалась, рассыпалась на куски. Как Шалтай-Болтай. Песня превратилась в ворчание и брюзжание. «Гармоническая ясность» — в невнятицу, поэтическая размерность — в прозу. Что дальше, сказать трудно. Потому что пока это «дальше» — вышедший том «Стихов».

Можно ли сказать, что «лирический проект» Кирилова «потерпел поражение», зашел в тупик? Что время «откровенных поэтов» кончилось, что действительно «начался другой эон»? Не знаю. Да и кто же это может знать. Остается только повторить слова Пушкина о судьбе из письма Петру Вяземскому: «Представь себе ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадит ее на цепь? Не ты, не я, никто. Делать нечего, так и говорить нечего».

Тимур Кирилов. Стихи. — М.: Время, 2005. — 856 с.